

Марина Соколова

**Бакинские типы, или
правдивые истории времен
Советского Союза**

Марина Дмитриевна Соколова
Бакинские типы, или
правдивые истории
времен Советского Союза

предоставлено правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=180600

Аннотация

Коммунизм в отдельно взятом подъезде, кампания по защите осетров, неуважительное братское отношение в отдельно взятой беседе, судьбы учителей и одноклассников... Несколько зарисовок из «бывшей» советской жизни с юмором и ностальгией.

Содержание

Блок № 5

4

Конец ознакомительного фрагмента.

25

Марина Соколова

Бакинские типы, или Правдивые истории времён Советского Союза

Блок № 5

В конце шестидесятых годов в Баку построили коммунизм в отдельно взятом подъезде, расположенном на улице Крылова. В дальнейшем подъезд я буду именовать блоком – как это было принято в столице Азербайджана. Блок № 5 находился в обыкновенной «хрущобе» и внешне ничем не отличался от других хрущёвских блоков. Внутри коммунизм тоже не сразу бросался в глаза. Чтобы убедиться в его наличии, нужно было жить в этом авангардном блоке. Жители блока № 5 не стали дожидаться 80-го года. Нет, они не давали обязательств построить коммунизм к определённом сроку – это получилось само собой. Тем не менее у процесса был идейный вдохновитель в лице моей мамы. Мама вступила в Коммунистическую партию в восемнадцатилетнем возрасте и с тех пор придерживалась коммунистического образа жизни. На самом деле никто достоверно не знал,

что это такое. Мама действовала по наитию, и, по-моему, у неё получалось по-коммунистически. Она была ярко выраженной коллективисткой. С утра до вечера наша квартира кишмя кишела разношёрстным народом. Одни приходили за материальной помощью, другие – поплакаться в жилетку, третьи – испросить квалифицированного совета. Были также четвёртые, пятые, шестые... Короче говоря, мама была умом, честью и совестью всего блока коммунистов и беспартийных. Постараюсь не утверждать голословно. Например, весь блок играл в «кассу взаимопомощи». Это была игра для взрослых, которые ежемесячно сдавали маме по рублю, по два или по пять (по договорённости). Все рубли суммировались, и игроки по очереди становились обладателями кругленьких (по тем временам) сумм. Или другой пример. К маме приходили излить душу все девушки нашего блока, и чаще всех Лариса, которая жила на одной с нами лестничной площадке. Надо сказать, что Лариса слыла легкомысленной девушкой, чуть ли не гулящей. Она была из приличной семьи. Её отец дядя Витя когда-то плавал радистом, а потом сошёл на берег и сделал блестящую карьеру советского чиновника. В жизни он руководствовался принципом: «Поступай так, чтобы все были тебе обязаны». Возможно, он был прав. Наверное, так должен вести себя человек, который хочет сделать карьеру. Но в иерархии блока № 5 дядя Витя стоял на самой низкой ступени, ибо наш блок возвышал людей за совсем другие качества. Мама Ларисы тётя Нюра в моло-

дости развозила морякам бельё. Как-то она привезла бельё дяде Вите, и они познакомились, а вскоре поженились. Дядя Витя был уважаемым радистом, а тётя Нюра – простой прачкой. Очень быстро выяснилось, что, кроме Ларисы, у них нет других общих интересов. Тётя Нюра не желала развивать интеллект и расширять кругозор. Из прачек она благополучно переквалифицировалась в домашние хозяйки и всю жизнь пребывала в этом не хлопотном, но малопочтенном звании. Однажды дядя Витя осознал, что в молодости совершил роковую ошибку, женившись на смазливенькой, но отсталой прачке. Впрочем, он был не первый и не последний моряк, совершивший подобную ошибку. Скажите, пожалуйста, где моряку познакомиться с подходящей девушкой, если большую часть своей жизни он проводит на море? Многие моряки быстро разочаровывались в своих жёнах, но далеко не всем удавалось от них избавиться. Так вот, дяде Вите это не удалось. Первую попытку он предпринял тогда, когда третий доброжелатель донёс до его слуха сакраментальную фразу, сказанную его законной супругой. А именно: «Несмотря на то, что он грамотный, мне противно ложиться с ним в постель». Тётя Нюра (с лёгкой руки моей мамы – Анна Ивановна) была гордой женщиной и ни от кого из соседей не скрывала это выдающееся качество своей натуры. Весь блок был уведомлен о том, что гордость не позволяет домашней хозяйке ложиться в одну постель с мужем – начальником. В конце концов эта принципиальная позиция жены стала из-

вестна дяде Вите. Супружеская гордость тёти Нюры так его впечатлила, что он моментально решил на развод. Однако тётя Нюра в своей гордости не собиралась заходить так далеко. Чтобы упрочить брак, она обратилась в партийную организацию мужа – начальника, ибо, как не трудно догадаться, дядя Витя сначала вступил в партию, а уже потом стал делать карьеру. Партийная организация знала его давно, но не со всех сторон. Узнав своего члена не с лучшей стороны, она попеняла его излишней грамотностью и настоятельно посоветовала не разочаровывать в постели законную супругу. Дядя Витя ничтоже сумняшеся раскаялся в том, чего он не совершал, и тут же был направлен в Москву для повышения квалификации. В столице нашей Родины, как и следовало ожидать, он так хорошо повысил квалификацию, что вторично задумался о расторжении брака, тем более что под боком оказалась москвичка, более подходящая ему по квалификации, чем неквалифицированная тётя Нюра. Во второй раз дядя Витя был предусмотрительнее. Из Москвы он послал жене письмо, в котором в осторожных выражениях поинтересовался её мнением относительно бракоразводного процесса. В ответ тётя Нюра пригрозила исключить его из КПСС. Поскольку собственной жены дядя Витя боялся сильнее, чем Генерального Секретаря, о попытке начать новую жизнь он больше не задумывался. Он утешился тем, что у него с женой есть общий интерес – красавица – дочь. Лариса была современной девушкой, для Баку, пожалуй, – слиш-

ком современной. Она меняла парней, как перчатки, принимала ухажёров у себя дома как в присутствии родителей, так и в их отсутствие, целовалась с ними прямо на балконе. Это обстоятельство не прошло незамеченным соседями, некоторые из которых обозвали её «гулящей». Более того, тётя Вера с третьего этажа прилюдно назвала Ларису «девушкой лёгкого поведения» (в действительности она изрекла ругательства на буквы «п» и «б», но я эти слова повторять не буду, так как в советской литературе 60-х годов они не употреблялись). Строго говоря, тётя Вера не имела никакого морального права на такие действия, будучи такого же поведения – и даже намного хуже. Впрочем, меня её поведение несколько не смущало. Я любила ходить к ней в гости, во-первых, потому что она очень хорошо пекла торты, а во-вторых, потому что у неё был сын Игорёк, у которого был фильмоскоп. Не трудно догадаться, что и Игорёк, и тётя Вера, и её муж дядя Петя могли прийти к нам, когда им заблагорассудится. Что касается меня, то я от них не отставала. Я пропадала у тётя Веры целыми днями, а иногда – и ночами; я уплетала за обе щеки всякую вкуснятину; я с любопытством рассматривала тётяверино декольте, из которого выглядывали привлекательные груди. Ох, уж эти декольте! Тётя Вера без зазрения совести пользовалась ими, чтобы соблазнять многочисленных мужчин, падших жертвой её сексуальности (тогда говорили: похотливости). Но мне соседка совсем не казалась вульгарной, наоборот – очень добропорядочной. Я допозд-

на засиживалась у неё дома за передачами, когда передавали чемпионаты мира по хоккею. Сначала мы болели вторём (дядя Петя, как правило, был в море), потом тётя Вера и Игорёк не выдерживали и ложились спать (не надо забывать, что в Баку матч начинался на час позже, чем в Москве), а я оставалась одна у голубого экрана. Я честно досиживала до конца матча, засыпая, просыпаясь, а затем снова засыпая. Продирая глаза, я тихонько выключала телевизор, как лунатик, покидала чужую квартиру, поднималась на четвёртый этаж, нащупывала под половиком нож или ножницы, так же на цыпочках проникала в родную квартиру, а затем неловко плюхалась в кровать, удобно устраивая ногу на каком-нибудь подвернувшемся боку. Утром я просыпалась зачастую в такой же оригинальной позе – с ногой на боку или на подушке (родные, с ангельской кротостью терпевшие мою дурную склонность, прежде чем встать с кровати, подсовывали мне под ногу подушку или одеяло). Иногда я просыпалась от позвякивания в замочной скважине. Это баба Маша с третьего этажа с помощью ножа или ножниц пыталась открыть нашу дверь. Разумеется, можно было воспользоваться ключом – таким же громоздким и неуклюжим, как его заменитель. Но наша семья предпочитала держать под половиком нож или ножницы. Никому из соседей никогда не пришло в голову использовать заменитель с плохой целью. С хорошей – совсем другое дело. Правда, об этой особенности нашего половика каким-то образом прознали дворовые маль-

чишки. Как-то раз компания ограшей проникла на территорию нашей лестничной площадки, извлекла из-под половика нож и вставила его в замочную скважину. В этот момент рядом с ними оказалась соседка тётя Тая с четвёртого этажа. Тётя Тая была хрупкой, но мужественной женщиной. Ещё она славилась своей учёностью (тётя Тая окончила институт и поступила в университет). Справедливость требует признать, что её учёность не всем пришлась по вкусу. В том числе её мужу и её сослуживцам. Сослуживцы звали её «ведьмой» за избыток знаний, а муж дядя Боря как-то обмолвился: «Ещё один ВУЗ – и моя жена из женщины превратится в скелет, гремящий костями». Дядя Боря был обрусевшим татаринном и безнадёжным неудачником. По крайней мере, в глазах моего дяди Кости (который жил в другом квартале, и поэтому про него – другая история). Дядя Костя считал себя близким другом дяди Бори и лез из кожи вон, чтобы вытащить его в капитаны. Но в насквозь блатном и коррумпированном Баку Каспийское пароходство занимало особое место. Нет, там были и блат, и коррупция, но обязательно принимались в расчёт способности и профессионализм. По этой причине дядя Боря навсегда застрял в старпомах, и все усилия его верного друга оказались тщетными. Дяде Боре с помощью дяди Кости оставалось только ненавидеть свою жену, которая, в отличие от него, умнела день ото дня. По правде сказать, у дяди Бори были и другие основания для недовольства, а именно: тётя Тая ему изменяла. Она была

красива небакинской красотой, то есть отличалась излишней изящностью. Звание ведьмы не мешало её успеху у мужчин, а может быть, даже помогало. У тётки Таи были все основания завести любовника: она вышла замуж от скуки, постепенно нелюбовь переросла в ненависть, и муж отвечал ей взаимностью. Их отношения закончились поздно вечером, когда дядя Боря застал тётю Таю с любовником. Сослуживец моментально исчез, а дядя Боря попытался устроить скандал. Шум драки через тонкую перегородку проник в нашу квартиру. Тётя Тая голосила как резаная, и мама бросилась её спасать. Входная дверь была не заперта, и взору мамы предстала ужасающая картина: в угрожающей позе и с грязной тряпкой в руке тётя Тая наступала на дядю Борю, а тот, ретируясь, отмахивался от неё обеими руками. На всякий случай мама решила спасти обоих. Спасённые навсегда разорвали отношения, но сохранили брак. Они нуждались в нём для воспитания общей дочери Иришки. Иришка уже в раннем детстве превратилась в красавицу, как и подобает ребёнку от смешанного брака. Она была младше меня на несколько лет, и я учила её читать. Вообще я испытывала на ней свои педагогические способности – и очень даже успешно. Иришка брала с меня пример – и росла умной, воспитанной и талантливой девочкой. Она руководила компанией однолеток, в том числе Лёнчиком Маргосфелдом со второго этажа. Лёнчик был евреем и сыном еврея. Представьте себе, что дядя Изя Маргосфелд работал на заводе гегемоном. Для непосвя-

щённых спешу объяснить, что в Советском Союзе среди рабочих и крестьян было крайне мало евреев. Вероятно, физической силе они предпочитали силу интеллекта, особенно ту, которая позволяла держаться ближе к загранице. Делать карьеру советским евреям помогали не только способности, но и другие евреи. Дядя Изя был особенным представителем этой богом избранной нации, прошедшей через горнило мировой истории. Он общался исключительно с русскими, пил горькую, от русской жены родил пятерых детей. Все дети не по наивности, а из принципа считали себя евреями, то есть, вопреки еврейской традиции, вели родословную не по материнской линии, а по отцовской. Как все бакинцы, Маргосфелды были гордыми людьми и не позволяли безнаказанно оскорблять свою нацию. Когда в очередной раз кто-нибудь во дворе во всё горло осуждал евреев, Маргосфелды всем скопом высовывались в окно и грозили обидчику «намылить холку». Хулитель «сионистов» в страхе за свою «холку» скрывался в убежище, а дружная еврейская семья радостно праздновала победу. Лёнчик был самым маленьким и самым заливистым. Ко мне он относился как младший интернационалист к старшему интернационалисту. Когда я появлялась во дворе, он с компаньонами набрасывался на меня и долго терзал от обилия любви. Я покровительствовала всей честной компании и не хотела думать о том времени, когда мои подопечные вырастут и потеряют ко мне интерес. Однако это время пришло, малыши превратились во взрос-

лых людей и опередили меня в развитии. Иришка вышла замуж раньше меня. Отвергнутая русским возлюбленным, она бросилась в объятия азербайджанца, который взял её в свою семью. Там Иришку заставляли мыть ноги свёкру, и это не могло долго продолжаться. Вместе с ребёнком Иришка сбежала от свёкра и вернулась к родителям. Вскоре к ней присоединился муж. От родителей молодые убежали к бабушке, так как дядя Боря и тётя Тая прекратили человеческие отношения, и в доме воцарилась гнетущая атмосфера. Бабушка была старенькая и в один несчастный момент оставила включённым газ на кухне. В неведении Иришка чиркнула спичкой и устроила взрыв, в результате которого она, бабушка и ребёнок остались калеками на всю жизнь – на руках у мужа, тёти Таи и дяди Бори. Если бы тётя Тая и дядя Боря не разорвали отношений, Иришка не ушла бы от них и не превратилась бы в калеку. Если бы они знали о последствиях своего поступка, они бы, конечно, не разорвали человеческих отношений. Но тётя Тая и дядя Боря не были провидцами, не верили ни в бога, ни в судьбу, не обращались к услугам ясновидящих и не гадали на кофейной гуще. После разрыва тётя Тая продолжала учиться в университете, встречаться с сослуживцами и возить нас с Иришкой на шиховский пляж. Она действительно становилась всё утончённее и была похожа на нашу подружку. Это меня не сильно радовало, так как в таком виде она не могла служить мне защитой от чурок. Чурки приставали ко всем представительницам противопо-

ложного пола, невзирая на возраст и национальную принадлежность. Как-то раз они пристали к тётке Тае на автобусной остановке. Был поздний час, остановка вмиг опустела, но до дома – рукой подать. Вечер перестал быть томным. Взяв себя в руки, тётка Тая проявила присутствие духа и чувство юмора. «Сынок, тебе сколько лет?» – спросила она у чурки, который дышал ей в пупок. «Восемнадцать. А вам какое дело?» «А мне перевалило за сорок. Тебя это не смущает?» «Меня вообще ничего не смущает». «А что тебе от меня надо?» «Вы что – правда, не понимаете?» «Кажется, поняла. Тогда пошли ко мне домой. Этим лучше заниматься в помещении». Чурка кивнул головой и бодро зашагал за тёткой Таей. Находчивая женщина привела его в наш двор и подвела к густонаселённой беседке. «Какой-то маленький объявился», – уставилась в темноту баба Маша. «Маленький, да удаленький», – перевела дух тётка Тая. «А что ему от нас надо?» «От вас – не знаю. А меня хочет изнасиловать». «Вот оно что. Волоки его сюда. Мы его сами изнасилуем». Наивный преступник не стал дожидаться окончания разговора. Под топот толпы он бросился вон со двора, сверкая пятками в кромешной тьме. Давясь от смеха, соседи посоветовали тётке Тае прибавить в весе, чтобы отпугивать чурок. (Насильники уважали большую солидность, ассоциируя её с большой полнотой). Лично мне было не до шуток. Сидя в море, я с беспокойством наблюдала за чурками, которые постепенно ко мне приближались. Под водой они могли учудить всё, что

угодно. Тётя Тая тоже беспокоилась и стеснялась своей утончённости. Впрочем, она не помешала смелой женщине прогнать ограшей, которые пытались проникнуть в нашу квартиру. Хулиганы уже вставили нож в замочную скважину, когда перед ними предстала тётя Тая. Шпана пыталась выдать себя за наших родственников. Тётя Тая ей не поверила и пригрозила созвать всех соседей. Кончилось всё тем, что хулиганы вернули нож на прежнее место и навсегда покинули пятый блок. Кстати говоря, созвать соседей было совсем не трудно, так как дело происходило летом, когда наш блок из-за жары жил с открытыми настежь дверьми. Иногда это приводило к мелким недоразумениям. Так, у тёти Таи проживал беспородный кот по имени Пушок. Пушок был очень любознательный и вертлявый. Он часто покидал место проживания и носился по всему блоку. В одно прекрасное лето он повадился ко мне на веранду (так мы называли остеклённый балкон). Веранда служила хорошим подспорьем к двухкомнатной «хрущобе». Я превратила её в уютную комнату и жила в ней шесть месяцев из двенадцати. За раскладушкой стоял большой горшок с китайской розой. Неохотно размыкая веки, я любовалась крупными красными цветами. С детства я любила поспать подольше. Но вдруг стала просыпаться чуть свет от едкого амбре. Долго не могла сообразить, откуда он исходит, пока он не слился с образом проказника кота. Оказалось, что Пушок повадился гадить в китайскую розу, легко преодолевая расстояние от своего места

жительства до моей веранды – через открытые нараспашку двери. Окна веранды тоже были открыты: перед сном я наслаждалась видом желточной луны на иссиня – чёрном южном небе. Однажды в распахнутое окно влетел... волнистый попугайчик. В Баку попугаи просто так по улицам не летали. Я сразу сообразила, что это домашний попугай. Но чей? Будучи не в состоянии ответить на этот вопрос, я приютила попугайчика у себя. Я его кормила, поила и учила разговаривать. Однако птичка прожила у нас недолго. Она оказалась слишком резвой и возлюбила порхать по блоку на глазах у изумлённого Пушкиа, который после наказания остепенился, перестал гадить в цветочный горшок и носиться взад и вперёд. К коту присоединился дядя Витя, который долго и с раздражением лицезрел неприличное поведение попугая, после чего обратился к маме с просьбой спровадить его куда-нибудь подальше. Таким образом, мы с мамой оказались перед непростым выбором: птица или человек? Разумеется, мы отдали предпочтение человеку разумному и поручили Руслану с третьего этажа подыскать для попугая подходящее прибежище. Руслан охотно выполнил поручение, потому что был в меня влюблён. Выдавая себя за «синий чулок», я на любовь соседа отвечала сдержанной дружбой. Руслан был чистокровным азербайджанцем, несмотря на исконно славянское имя (многие восточные народы любят это имя, принимая его за своё). Его отец дядя Аслан заведовал «колпитом». Это слово расшифровывается как «коллективное питание»,

то есть питание для всех моряков. Дядя Аслан был очень хороший человек: для свадебной церемонии он презентовал моему брату шикарный ресторан на шикарном Приморском бульваре. Вообще у дяди Аслана было всего два недостатка, но зато очень больших: очень большой живот и очень большая страсть к тётё Вере. Посредством своего сногшибательного бюста тётя Вера без особого труда сумела обольстить дядю Аслана. Их преступная связь длилась довольно долго – до тех пор, пока дотошная баба Маша не докопалась до истины и не донесла её до жены дяди Аслана тётя Аллы. Тётя Алла, как жена большого начальника, была домашней хозяйкой и, подобно мужу, имела большой живот. Кроме этого, она имела множество хлопот по устройству судьбы своего единственного сына. Придётся признаться, что Руслан был туповатым парнем и частенько навещался ко мне не только ради любви, но и ради домашнего задания. Временами он вводил меня в краску. Бывало, лежу я на веранде с «Маленькой хозяйкой большого дома» в ожидании ранней клубники, которой баловала меня моя классическая мама. Неожиданно вместо мамы являлся Руслан с учебником под мышкой. По его всегда смущённому виду не трудно было догадаться, что он в меня влюблён. Я тоже смущалась, но любви предпочитала хорошую книгу. Тётя Алла была осведомлена о чувствах сына, что не мешало ей подыскивать ему «подходящую пару». Учитывая статус дяди Аслана, не сложно было найти перспективную азербайджанку – дочку боль-

шого начальника. Тётя Алла не сомневалась в успехе, но... дело испортил Руслан. Вероятно, ему надоело подчиняться суровой воле родителей. Сначала ему навязали профессию моряка, потом – богатую невесту. Правда, родителей можно было понять: они устраивали сына туда, где были связи. Однако в один прекрасный момент терпение Руслана лопнуло – и он взбрыкнул. Нет, он не отказался от мореходного училища, он отказался...от невесты. Дело было так. По окончании училища недалёкого Руслана задвинули подальше на судно. Там он познакомился и сошёлся с классной номерной, а проще – уборщицей Наташей. Наташа была русская разведёнка, честная женщина, «страшнее атомной войны», старше Руслана на двадцать лет. Когда тётя Алла пришла на судно посмотреть на избранницу сына, она от ужаса упала в обморок. Когда её откачали, она сказала: «Только через мой труп». Руслан отреагировал незамедлительно: «Через труп – так через труп». Тётя Алла сдалась не сразу. Сначала она пожаловалась мужу. Не помогло. Потом обратилась за помощью к маме. Мама, разумеется, не смогла отказать. Но Руслан был неумолим: «Тётя Женя, я вас очень уважаю, но на эту тему разговаривать не буду». Тётя Алла падала в обмороки ещё три раза. После третьего раза сдалась окончательно и признала невестку. Когда я приходила к ней позвонить (у нас в квартире не было телефона: по собственному выражению отца, он не собирался «устанавливать телефон для любовников»), она сначала расхваливала первую избранницу,

затем вторую, приписывая ей множество достоинств. На самом деле Наташа оказалась хорошей женщиной, помогала по хозяйству тётиаллиной домработнице, привнесла в дом уют и спокойствие, а также двух здоровых детей. Откровенно говоря, умиротворённость оказалась недолговечной. Мир благополучной семьи взорвала баба Маша. Любопытная бабушка не тратила понапрасну своё пенсионное время. Сначала она выследила любовников, причём неоднократно, а потом уже донесла тёте Алле на неверного мужа. Тётя Алла в четвёртый раз за семестр упала в обморок. Очухавшись, она в резкой форме объяснилась с тётей Верой. Впрочем, она зря старалась. У тёти Веры появились обстоятельства, в силу которых ей временно было не до любовников. Она выполняла задание начальника, который поместил у неё журналистку из Москвы. Журналистка изображала из себя гранд – даму, но в реальной действительности оказалась тёртой аферисткой. Она жила по подложным документам, разъезжала по стране, втиралась в доверие к нужным людям, воровала – и на некоторое время «ложилась на дно». Псевдожурналистка оказалась неуловимой, и правоохранные органы решили прибегнуть к помощи всесильной советской печати. Этот неординарный для того времени шаг принёс свои плоды. Газета с документальной статьёй настоящей журналистки попала в руки тёти Веры. Как в плохом кино, она читала её в присутствии гостя. Обстоятельства, описываемые в статье, были до боли знакомы, портретное сходство не остав-

ляло сомнений – и тётя Вера покрылась испариной от необоримого волнения. Преступница вся напряглась и стала похожа на пантеру, готовую к прыжку. Тётя Вера в страхе схватилась за телефонную трубку. «Журналистка» не сводила с неё пронзительных глаз. Тётя Вера опустила трубку и сказала, что ей нужно к соседке. Преступница проводила её до дверей и убедилась в том, что она пошла на четвёртый этаж. Не трудно догадаться, что обманутая гостеприимная хозяйка направилась к моей маме. Она объяснила маме ситуацию, и обе женщины стали думать, что делать дальше. Решили позвонить в милицию. Но в блоке телефон был далеко не у всех. Ни тётя Нюры, ни Ларисы дома не оказалось. На пятом этаже телефона ни у кого не было, а спуститься этажом ниже женщины не решались. Они находились в задумчивости час-полтора. Наконец мама взяла себя в руки и решительно зашагала к тётивериной квартире. Тётя Вера – за ней следом. С опаской она открыла дверь и замерла на пороге. Мама бесстрашно ринулась вперёд. С помощью хозяйки она обследовала всю квартиру, но преступницы и след простыл. Вместе со следом «простыли» тётиверины драгоценности. В обмен «журналистка» оставила в стиральной машине свои грязные тряпки. Мама с большими предосторожностями перебирала несвежую одежду в поисках какого-либо криминала. В это время появился Игорёк в сопровождении бабы Маши. Игорёк вернулся к себе домой, а бабу Машу привлекла соседская дверь, широко распахнутая в неподходящее время года.

Тётя Вера вкратце изложила дело – и Игорь вспомнил, что аферистка угощала его конфетами. Соседи посоветовались и пришли к выводу, что угощение может быть отравленным. Тотчас же мама, обернув два пальца вафельным полотенцем, сунула их в рот Игорьку. Мальчик поперхнулся, закашлялся – и его вырвало на стиральную машину. После чего жертву преступного замысла уложили в постель. На следующее утро Игорь проснулся целым и невредимым. Пока он спал, тётя Вера по наущению бабы Маши позвонила своему начальнику, тот – милиционерам. По горячим следам воровку поймали в Ленинграде. Милиция вернула тёте Вере драгоценности, а начальство повысило в должности, назначив её старшим бухгалтером. Все участники инцидента (кроме преступницы) оказались довольны развязкой. Но больше всех радовалась баба Маша, ибо помощь ближнему считала священным долгом всей своей жизни. Её благотворительность не знала границ. Нередко она принимала причудливые формы. Раза два в неделю ни свет, ни заря баба Маша поднималась с третьего этажа на четвёртый, вытаскивала из-под половики нож или ножницы и, стараясь не звенеть, тихонько открывала нашу дверь. Не обращая внимания на крепко спящую чужую семью, филантропка проникала на кухню, оставляла на столе крашенные яйца или пирожки, или другую благотворительность, мыла грязную посуду и незаметно покидала нашу квартиру. Проснувшись первой, мама привычно обнаруживала подарок на кухонном столе, отвечала добром

на добро, а потом целый день сеяла разумное, доброе, вечное. Людей тянуло в нашу квартиру, как паломников в Мекку. Прибегала Лариса: «Тётя Женечка, надо посоветоваться насчёт женихов». Со своей родной матерью девушка советоваться не могла, потому что на все вопросы простая донельзя тётя Нюра отвечала: «Ты гулящая – больше ты никто». Однажды Лариса прибежала со слезами на глазах. Мама не на шутку встревожилась: «Ларочка, что случилось?» «Тётя Женечка, Ихтиандр пришёл, а у неё в дырку сосок выглядывает!» Мама ничего не поняла. Давясь слезами, несчастная девушка поведала душераздирающую историю. У неё появился новый ухажёр – Ихтиандр (конечно, армянин: бакинские армяне очень любили цветистые имена). Тогда азербайджанцы не резали армян, многочисленные представители этой многострадальной нации спокойно жили в столице Азербайджана, Ихтиандр свободно разгуливал по бакинским улицам и «клеил» девушек разных национальностей. Так он познакомился с Ларисой и пришёл к ней в гости. Тётя Нюра была дома и вышла к нему навстречу. Для гостя она надела свой лучший ситцевый халат, но проглядела дырочку аккурат напротив левого соска. Расстроенная мама пошла к соседке изучать её халат. После пристального рассмотрения непристойной одежды выяснилось, что дырка действительно имеет место, сосок в ней просматривается, но – поскольку халат цветастый, сосок вполне может сойти за цветочек. Успокоив обеих плачущих женщин и успокоившись сама, мама

вернулась в свою квартиру, где её ждала Родейко с первого этажа. Родейко когда-то плавала вместе с мамой, только мама – штурманом, а Родейко – поваром. Она привыкла относиться к помощнику капитана как к своему собственному помощнику и постоянно приходила к маме за помощью. На этот раз она нуждалась в серьёзной подмоге. Дело заключалось в следующем. Какие-то большие начальники облюбовали наш квартал и решили в нём поселиться. «Хрущобы» их не устроили, и они задумали поставить у нас девятиэтажку. Поскольку квартал был скомпонован с большой тщательностью, места для нового дома не осталось. Чтобы его построить, пришлось бы снести спортивную площадку, детскую площадку с беседкой и что-то ещё. Внештатные активисты пришли к выводу, что такой дом нам не нужен. Во-первых, он не впишется в хрущёвский ансамбль, во-вторых, он оставит нас без площадок, в-третьих, будет больше народа, из-за которого будет меньше кислорода. Активисты насчитывали в-четвёртых, в-пятых, в-шестых... Они организовали около будущей стройплощадки круглосуточное дежурство. Им всю помогали менее активные граждане, которые забрасывали будущих строителей камнями и вообще хулиганили. Всех активистов возглавила Родейко. Она разговаривала очень громко и могла всех перекричать. Перекрикивая шум вентилятора, она уговорила – таки маму написать жалобы сразу в пять вышестоящих инстанций. С жалобами в руке Родейко спустилась на второй этаж к Вере Ивановне. Ве-

ре Ивановне было сто лет, и она была заместителем Родейко по общественной работе. Престарелая женщина таковой себя не ощущала. Она на такую и не походила. Вера Ивановна выглядела как женщина неопределённого возраста – тонкая и подтянутая, с волнистой сединой и со следами былой красоты. Она была не лишена кокетства: два раза в день бегала выносить мусор, чтобы около мусорки встретиться с «забавным старичком, который ищет косточки для своей собачки и положил на меня глаз». Впрочем, замуж Вера Ивановна не собиралась по причине преклонного возраста. Это **она**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.